

Текст · 31 марта 2023, 08:48

Алла Константинова,

«Пепел, выжженная земля, выжженная жизнь». Разговор с Милой Тешаевой — режиссеркой документального фильма «Когда весна пришла в Бучу»

Украинка Мила Тешаева и немец Маркус Ленц сняли и смонтировали документальный фильм «Когда весна пришла в Бучу» за три месяца — летом прошлого года картину показали по немецкому телевидению, а в ноябре его международная премьера состоялась на фестивале документальных фильмов *IDFA* в Амстердаме. В годовщину освобождения Бучи режиссерка рассказала «Медиазоне», как во время съемок училась замечать мины и собирала деньги на гробы, чем пахнет война и почему она, несмотря ни на что, хочет, чтобы ее фильм увидели в России.

Я давно живу в Германии, но в Киев приехала в первые же дни войны, 1 марта. Тогда же, в начале марта, я была в Ирпене, когда шли сильные бои, видела людей, которые перебирались через Ирпенский мост. Весь месяц я рефлексировала над тем, что происходило. Но Буча была чем-то, чего я не могла ожидать и представить.

После освобождения^[1] Киевского региона я снимала около двух недель сама, а затем вместе с Маркусом мы снимали еще около трех недель. Это были непрерывные ежедневные 12–15 часов работы.

До сих пор автоматически не ступаю на газон, на траву — на съемках мины могли лежать везде. Это просто знания, которые ты получаешь в процессе, видя траву, усыпанную осколками и минами, которые не разорвались. Или в каком-то месте тебе показывают: «Вот, это растяжка». Если не смотреть под ноги, ее можно подцепить.

Съемки фильма проходили в Буче, Бородянке и Ирпене — это все Бучанский район Киевской области. Все три населенных пункта очень важны в этом рассказе, каждый из них пострадал и был изранен по-разному. Пепел, выжженная земля, выжженная жизнь. Нет света, нет воды, нет ничего. Запах сгоревших домов очень долго стоит в воздухе и не выветривается. Одна из героинь нашего фильма говорит, что на улице пахнет войной и смертью. То, о чем она говорит, — это для меня смесь пожара, сгоревших стен и трупного запаха. И я время от времени все еще слышу этот запах в каких-то местах.

Кадр из фильма

Мы очень торопились, потому что считали, что все это необходимо как можно скорее показать — в Германии, в частности. Нам было важно, чтобы люди увидели и почувствовали какие-то вещи, поддержали определенные политические решения, в частности, решение о том, чтобы Украине было дано оружие. Мы уверены, что фильм — особенно его показы на немецком телевидении, где его смогли увидеть

несколько миллионов человек, — мог повлиять и сыграть свою роль в этом.

Наш фильм показывает войну через личные истории людей. Он рассказывает, что это такое, когда война приходит именно в твою жизнь. Ни одни новости этого не показывают. В принципе, в какой-то момент люди абстрагируются от новостей про шокирующую войну, не могут ее больше воспринимать. И вот тогда на смену должны приходиться другие инструменты. Инструменты искусства: выставки, пьесы, фильмы... То, что глубоко заходит в подсознание.

У новостей о Буче был прямой месседж: вот это оставили после себя российские войска, вот это результат российской оккупации. Только вот в ощущениях людей, которые там не были, Буча осталась как какая-то безлюдная зона, усыпанная трупами и могилами. Но Буча — это также люди, которые выжили и продолжают там жить.

Им было просто необходимо выговориться, выплакаться, рассказать про все. Они как будто бы бились в лихорадке, находились в компрессионном шоке. Люди жили 35 дней под непрерывным страхом смерти. Видели, как погибают их соседи. Они провели это время в состоянии абсолютного ужаса и в абсолютной концентрации для того, чтобы выжить.

Кадр из фильма

Наш фильм дает Буче лицо. Он показывает людей, которые могли бы жить в любом латвийском, немецком или итальянском городке. Поэтому у аудитории, как мне кажется, могла возникнуть близость, ассоциация: «Эта война могла прийти куда угодно». Многие люди, в Германии например, писали нам, что после просмотра фильма они продолжали о нем думать еще несколько дней. Или пересматривали, потому что продолжали думать о какой-то сцене. И это важно.

Мне жаль, что я не сняла один момент. Это было где-то через неделю после освобождения Киевской области. Тогда в Бучу приехала очень большая европейская делегация Еврокомиссии. Их было очень много, человек пятьдесят. Они все были в костюмах, в галстуках, в белых рубашках и бронежилетах. На улице Вокзальной в Буче после освобождения региона осталась колонна разбитой российской техники. И вот все эти люди в галстуках бродили среди танков, то есть их привезли вот это место показать. Я была там в этот момент, но не сняла все это. Хотя люди в костюмах, бродившие возле остатков танков, — это, конечно, символический момент, такая смесь всего. Это и грустно, и радостно, и смешно немного.

Я была там прежде, и я эти разбитые русские танки тоже снимала. Но как-то не сильно вдумчиво я их снимала на самом деле, и уже сложно сказать почему. В фильм эти кадры не вошли, эти танки оказались для меня не в фокусе. Для меня они не часть той истории, которую мне нужно было снять. Наш фильм — это фрагменты судеб, фрагменты встреч, фрагменты обстоятельств. А именно разбитые русские танки не относились к этому, понимаете?

«Собирать деньги на гробы помогала я»

Героев мы специально не искали. Это был период жизни этих мест, когда невозможно было ничего планировать. Все люди находились в стрессе просто необычайной силы. У нас было несколько ключевых людей, каким-то образом связанных с местным управлением. В Бородянке это был начальник коммунальной службы Юрий Патока, он хоронил погибших. В Буче и Ирпене — местный депутат Тарас Вязовченко, который занимался и разминированием домов, и опознанием людей в морге. А уже через тех людей мы встречали других, например Ольгу Малах, это женщина, которая готовит еду на улице и потом празднует Пасху с семьей. Маленькую девочку Оленку в школе Бородянки я встретила абсолютно случайно.

Кадр из фильма

Система не была готова к такому количеству погибших и просто неопознанных трупов, не могла справиться — и эти люди самоорганизовались. Ездили по моргам с фотографиями, залезали в огромные рефрижераторы, заполненные трупами. В каждом рефрижераторе лежало от 20 до 50 тел.

Юрию Патоке из Бородянки нужно было забирать из морга тела, он знал: семья ждет завтра похоронить. А гроба нет, и он должен этот гроб где-то найти. Но если у городской службы на гробы денег нет, он должен где-то эти деньги отыскать. И Юрий не мог сказать родственникам, что не может сейчас похоронить человека, возможно, считал своим долгом похоронить. Собирать деньги на гробы ему помогала я. Бросила клич в фейсбуке и инстаграме, попросила коллег-фотографов и журналистов помочь — очень многие перевели деньги.

Все просто делали свою работу, потому что есть вещи, которые нужно делать срочно: хоронить мертвых, убирать осколки снарядов с улиц. После того как эти дела будут сделаны, можно плакать. А пока — собраться и не поддаваться эмоциям. Не думать о себе в этот момент, а думать о деле, которое нужно завершить.

Кадр из фильма

Эти места были ввергнуты в какой-то хоррор: эксгумация, потом эти пластиковые кульки, эти бесконечные морги, невозможность найти тела,

опознать, похоронить. Это комплекс всего, это больше чем просто убитые люди и военное преступление. Это колоссальнейшая травма, которая легла на людей.

Но я с первых же дней съемок видела, как жизнь там восстанавливается. Как каждый человек тянется к жизни, многое преодолевая. Это такой момент восстановления — как от нуля прийти к какой-то нормальности. Каждый день после освобождения Бучи я наблюдала, как из этой точки ноль, где уничтожена надежда, а улицы завалены осколками и телами, вернуться к жизни.

«Оператор кричал: "Папа, но я же здесь! Я это вижу, я это снимаю!"»

Буча и Ирпень сейчас постепенно восстанавливаются — они ближе к Киеву, а Бородянка восстанавливается меньше. Много фондов, иностранных в том числе, которые берут на себя помощь в отстройке. Люди же потеряли не только дома и вложения. У большинства если и были какие-то деньги, но не на карточке, а спрятаны где-то в шкафу. То есть люди оказались на абсолютной грани выживания, без каких-либо средств.

Первые полгода многие жили с гуманитарной помощью. Потом в какой-то момент гуманитарная помощь в Киевском регионе закончилась: ее стали привозить туда, где она больше нужна, в зону активных боевых действий. В Бородянке несколько сотен людей живут в таком пластиковом городке, там очень холодно зимой и очень жарко летом.

Крошечные комнаты, в которых спят по несколько человек.

Если бы вы приехали и спросили этих людей, какие у них проблемы, то ответ был бы один: «Проблема лишь в том, чтобы закончилась война». Или: «Нам не нужно ничего — дайте оружие, чтобы мы выгнали убийц с нашей земли». Люди ничего не просят для себя, хотя, безусловно, нуждаются. Каждый день они получают известия о том, что где-то бомбы убили три, пять, восемь, десять человек. И больше года живут с ощущением, что смерть может прийти в любой момент.

Видео на YouTube

YouTube

IDFA 2022 | Trailer | When Spring Came to Bucha

@IDFA

<https://youtu.be/pp8NDQpvx3A>

Те, с кем мы разговаривали для фильма, и просто встречные рассказывали нам о своих родственниках в России. В этот момент кто-то начинал рыдать, кто-то кричал, кто-то зубы сжимал. Это безумная боль людей. Тебя убивают, твоих друзей, родных, соседей убивают, а родные из России звонят и говорят: «Все правильно, скоро мы вас освободим». Например, мама и папа нашего звукооператора живут в Москве. Они звонили ему каждый день. Мама больше спрашивала, слушала, но никак не комментировала. А папа говорил сыну, что тот врет, что Бучи не было. Оператор ему кричал: «Папа, но я же здесь! Я это вижу каждый день, и я это снимаю!». А папа говорил: «Это вы сами сделали». Притом что мы записывали

интервью с теми, кто видел, кто это сделал. Ну что ж... Я надеюсь, эти люди будут когда-нибудь переубеждены.

Первый месяц войны мы, люди, выросшие с русским языком и с множеством родных и знакомых в России, надеялись, что вот сейчас они что-то сделают. Выйдут и что-то сделают. Люди искусства, культуры записывали видеообращения... А потом мы поняли, что этого не случится. Ни в какой форме.

Фильм вот-вот в оригинале с субтитрами на русском появится на *Current Time*. Я так понимаю, у российских зрителей будет возможность его увидеть. Считаю, что нужно продолжать говорить с российским зрителем и пытаться ему донести, что же Россия делает с нашей жизнью — жизнью украинцев.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Официально об освобождении области сообщили 1 апреля.